

The background features a stylized illustration of a man and a woman in a dance pose. The man is shown in profile, wearing a tuxedo with a bow tie, and the woman is in a dark, form-fitting dress with high heels. They are rendered in a reddish-brown color against a dark blue background. The man's arm is around the woman's waist, and her arm is raised.

Михаил Вожакин

**Азартные игры:
Записки
офицера Генштаба**

Михаил Вожакин
Азартные игры. Записки
офицера Генштаба
Серия «Самое время!»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6148077

*Азартные игры: Записки офицера Генштаба: Роман: Время; Москва;
2013*

ISBN 978-5-9691-1169-1

Аннотация

Герой нового романа Михаила Вожакина служит в Генштабе. Время – брежневская эпоха, горбачевская перестройка, распад СССР, смута 90-х годов – вплоть до «сердюковских» реформ. Генштаб изнутри, с изнанки, в лицах высшего руководства, «небожителей» – без псевдонимов. Законы карьерного роста герою понятны. Играешь по правилам – генеральские погоны на плечи. Нет – затеряешься в серой массе. Приспособленец? Лицемер? Отчасти и так. Но и здраво рассуждающий человек, понимающий, что происходит с армией. Правда, до поры он не понимает главного – что происходит с ним самим. На что он тратил жизнь? На что предстоит потратить остаток? В восемнадцать лет ему внушили, что он защитник Отечества.

Когда ушла юношеская наивность, он понял, что защищал не Отечество, а тех, кто им управляет.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	22
Глава третья	29
Глава четвертая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Михаил Вожакин

Азартные игры. Записки офицера Генштаба

© Михаил Вожакин, 2013

© «Время», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава первая

Артанов

Когда прощаешься с полковыми друзьями в Чите, можно надраться, зная, что ночной самолет унесет твоё бременное тельце вместе с мечтами в столицу.

Мечты обычные – об академии имени товарища Фрунзе. Совсем о другой жизни.

– И чтобы никогда не возвращаться в Борзю! – плюхаясь в кресло, воскликнул ещё более пьяненький Стас Радецкий. Шалопай и повеса.

Недурно, кстати, вальсирует, кружа вместе с юбками девичьи головки.

– Ах! – вскрикивала одна.

– Ой, только не здесь! – шептала в гримерке другая.

У его прадеда было четыре поместья, скакуны, борзые собаки. Ну и, конечно, дворовые девки. Девочек дед обожал. Стас – тоже. В блокноте с телефонными номерами все они были зашифрованы под какой-нибудь миленькой кличкой: Леди, Матрешка.

Мальвина – это Катенька из Капотни.

Когда понял, что заскучал, передал её мне: «Забирай – для друга не жалко!».

– Стас, – говорил я, – так можно нарваться на эротический

микроб.

– Уже! – смеялся он.

– И что?

– Эйфория!

– От микробов?

– От новизны ощущений: когда две сестрички обхаживают одного мужика. Медуза приспускает штанишки, Купчиха стоит наготове со шприцем. А потом – все вместе: втроем...
Сплошное бесстыдство! Эфиоп, попробуй!

Без прозвища, придуманным им, недолго ходил в училище только наш симпатяга Баранов – ротный. Очень недолго. Дня два или три. Словом – как только после кадетки мы вернулись из отпуска. Когда прознал, что его за глаза кличут Мутантом, нежно поинтересовался: «Твоя работа, хореки?». Стас кивнул. Честен, как царский поручик. И месяц, как столб, торчал дневальным у тумбочки, тараша преданно глазки. Еще неделю – со шваброй в галюне. Меня называл Эфиопом из-за моих кудреватых волос. А может, потому, что я баловался эпиграммами. Одна была на него. Циничная. Но она ему нравилась.

Насмешник, у которого по любому поводу наготове три анекдота.

Он тоже хотел сделать карьеру, разбогатеть, жить, как прадед, иметь лошадей, иностранную тачку и девиц. Когда я шутил, что время дворовых девок давно миновало, он отвечал: «Не заблуждайся. Они только одеты сейчас по-другому,

а убажжают по-прежнему – тех, кто платит!».

Он оказался прав.

– Привет, Дима! – кричали они, едва я появлялся в дверях ресторана.

– Привет!

– Иди к нам!

Женщины меня всегда обожали. Предчувствие не обманывало: знакомясь, безошибочно угадывал, будет она моей или нет. Никогда им ни в чем не отказывал. Ни в чем! Никогда.

Может, потому они и попадали в рабство?

– Только учти: от меня ты сегодня ничего не получишь, – говорила то одна, то другая. – Не мечтай! А вот к этому месту даже не прикасайся.

Когда тебе говорят, что ничего не получишь, а ты еще ничего не просил – значит, тебя провоцируют. Прикоснись. Им нужен беспечный герой. Они хотят игры. Как в кино. Юродствуй, как Стас – и точно получишь все.

Все, о чем даже и не мечтал.

И не спрашивай: «Есть ли у тебя муж?». Просто загляни в холодильник. Увидишь початую бутылку виски – точно есть. Просто спит в другом месте. А когда приползает домой, изображает изможденного добытчика, воина, вернувшегося с Куликовской битвы. Так что жри его икру ложкой, а ее целуй. Только не в губки – в пальчики ног. Мизинчик, специально напедикюренный именно для тебя. Чувствуешь:

ей нравится! Нравится – кормить не обмякшего петуха, а голодного мужика, который никак не насытится и может поцеловать все.

– Чуть пониже...

Да, пожалуйста!

Она от этого млеет.

Я не альфонс. Мне не жаль на них денег. Просто в то время у них этих денег было навалом, немерено – с другими я не знакомился. Если ей не жаль кошелька мужа, то мне-то что париться? Притяни за талию и поскорее спроси:

– Можно падать или лучше сначала раздеть?

– А можно не здесь? Я люблю, когда меня раздевают в постели...

Пока не встретил ту, которая сразу меня раскусила.

Это – не девочка из записной книжки Стаса. Это – не Лора, которая то гнала прочь, то неделями не хотела от себя отпускать.

– Я уезжаю к родителям в Питер, – говорила она. – Не хочешь до моего возвращения меня здесь подождать?

– Классная квартирка... А муж?

– Он в Германии. Меняет советскую нефть на дойчмарки, чтобы купить мне соболиную шубку.

– Я видел одну: с проступающей сединой.

– У тебя хороший вкус... Кофе будешь?

Мне нравилось, когда она говорила: «Прости, тебе пора!».

– Как это пора?... Позвонить?

– Зачем?

– Уверена?

– Абсолютно. Я позвоню сама!

Так было при Брежневe. Ее мать доводилась ему то ли родственницей, то ли давней знакомой. Жили на широкую ногу. При Андропове аппетиты убавились. Услышав: «Щелокова он уже посадил!», я спросил:

– Лора, ты-то здесь причем?

– Я, может, и ни при чем, а вот муженек заерзал.

Когда она укатила в Берлин, жизнь поскучнела. Из академии перестали вообще выходить: андроповские «топтуны» тут же совали под нос красные корки:

– Товарищ майор, почему шастаете по улицам в рабочее время?

Курс нового генсека поначалу был незатейлив: ловить бездельников, проституток; если не хватало до нормы, то – и нас, офицериков. Вечер, если из-за безденежья понуждал провести его в общежитии – просто тоска. С кухни несло пережаренным луком и сплетнями, говором веселеющей час от часу компании. А потом обязательно раздавался смех.

– А что не поем? – в такие минуты Ляка-буфетчица хорошела. – Почему бы не устроить гульбу?

– Один раз на свете живем!

– Гульба, девоньки, так гульба! – не умолкал веселеющий Стас Радецкий.

Оставалось крикнуть «ура!».

– Ур-р-ра! – перебивая звон хрусталя, орала компания.

– За будущие генеральские эполеты! – хохотал Стас, точно уже получил назначение.

Ослепленный мечтами, он был полон надежд; он их рисовал. Ляка была просто прелесть: осушала бокал за бокалом, называла Радецкого «казановой», после каждого тоста топала ножкой: «За мужиков! Без вас с тоски можно сдохнуть!». Потом заспорила, что ей ничего не стоит выпить на брудершафт целый бокал. Я тут же подставил услужливый локоток.

– О, как удобно, – не без томности прошептала она нараспев. – А то меня уже начинает пошатывать!

Грудь без лифчика была хороша.

– Можешь потрогать – меня это заводит, – говорила она уже в коридоре.

– А если чуть ниже?

Пошловато?

Чуть-чуть: тут важна интонация. Я же чувствую: ей очень хочется.

– Можно и ниже. Я ведь пошла сюда за тобой.

– Да?

– Ты же знаешь, что за тобой.

И ее смех, беззаботность, блеск загоревшихся глаз были хоть какой-то наградой за недельную скуку. Только, боже мой, чем ты меня, сексапильная Леокадия, удивишь: умелостью губ? Чем изумишь, если мне известно заранее все?

– Эфиоп, – порой успокаивал меня Стас, – что ты кук-

сишься? Завтра выйдем из академии, возглавим полки – выйдем в люди. Действительность омерзительна, но что делать? Мой совет: мимикрируй, как все. Иначе кончишь, как мой благородный прадед!

– А как он кончил?

– Застрелился от скуки!

– Стас, так можно и жизнь просрать.

– Разве это жизнь?.. Таковую, как у всех, просрать не жалко!

К другой – о чем мечтали в кадетке, еще надо пробиться!

С дождями дни потекли, как слезы от дешевенькой сигаретки. Утором – стратегия. К обеду – классика: Ленин, Андропов, Кант.

И, конечно же, Энгельс: философия военного дела.

Мудрый мужик – холостяк. То, что надо! Не удивляло, что никогда и не думал жениться.

Но как только в академию зачастили кадровики, все оживилось. Мы называли их «покупатели». Коридоры с глазницами классных окон поначалу увидели поскрипывающего на нашем старом паркете скромного человечка в сером костюме, вкрадчивого в расспросах, как и в движеньях. Грушник не скрывал: ищет пару смышленышей из кадетов, недурно болтающих по-английски. Перспектива заманчива: с академической скамьи пересаживали на другую – дипломатическую, факультет военного атташата. В последующем – заграница, разведка «под крышей» прикрытия. Одним словом, если вспомнить о службе где-нибудь на Курилах, в Борзе, ху-

же того – Дровяной: весь мир пред тобой – жизнь, полная чудес, пальм, обезьян, приключений на посольских приемах и, конечно же, забав с местными шлюхами.

Я поинтересовался о друге – Радецком:

– А его берете?

– Увы, – произнес Серенький. – Всем хорош. Только – беда... наколочка у него: на указательном пальце, буква «Д» – шалость молодости, напоминающей о школьной влюбленности. Таким, беспечным – полками командовать. А нам нужен мужичок без примет, без изъянов.

– А я?..

– Вы подходите безупречно. Вы – не тот, за кого себя выдаете. Говоришь одно, делаешь другое, думаешь третье – артистическая натура... Есть, правда, небольшой изъян, легко устранимый – нужно срочно жениться.

– На ком?

– Панорама твоих девиц налицо. Из восьми я бы выбрал Ларису.

– Но она замужем!

– Месяц назад развелась.

– Вы следили?

– Не совсем. Просто навели справки у конкуренток. За-вистниц хватает.

За серым костюмом потянулись мундиры. Встречаясь, кадровики здоровались по-приятельски: «А-а, Григорий, привет!» – «Привет!» С Виссарионом Викторовичем – особо

почтительно: он был начальником отдела Управления кадров Генштаба. «Артанов», – шепталось вслед. Все: фигура, многозначительность, слегка ироничный тон, даже ботинки, шитые на заказ из лучшей «генеральской кожи», – подчеркивало франтоватость.

– Стареющий фат! – язвительно заметил Радецкий.

– Стас, не перегибай: «франт» как-то больше подходит. К тому же – фигура, ботинки...

Приезжал на «Волге», останавливавшейся у парадного входа. Его всегда поджидали. Служил прежде в одном из придворных полков, был дружен с комендантом Кремля. Когда в «Большом» давали приличный балет или залетала попеть новая дива, они сидели рядом: комендант с женой, Виссарион – один, в модном костюме, подчеркивающем его стройность. За кулисами подавал лишний бокал приглянувшейся танцовщице, а потом вез ее к себе на квартиру, прибранную идеально. Что касается мебели – натерто полиролью до блеска. Каждая вещица – на месте: пепельница в уголку, рядом инкрустированная янтарем зажигалка, а в вазе – непременно красные розы, три цветка, которые дарил на прощанье. Холостяцкие привычки шлифовались годами. На совещании сидел всегда подле Котова, начальника управления. Успевал подхватить на лету скатившуюся с генеральского стола авторучку, что-то другое. Подавал без угодливости, но с поклоном. Ему вверяли самые деликатные поручения. Две фамилии кандидатов были уже на листке: один

– сын командующего Прикарпатского округа, другой приходился родственником какой-то мидовской шишке. Для Центрального командного пункта Генштаба его просили подобрать офицера на собственное усмотрение.

– Майор, связи у грушников есть? – спросил он меня. – Или хотя бы просто знакомые?

Услышав, что нет ни того ни другого, иронично заметил:

– Тогда, Полетаев, давай без утопий. С твоей неевропейской мордашкой закончишь службу в наушниках на китайской границе; в лучшем случае – помощником военного атташе. Будешь встречать генеральских купчих и таскать их экскурсоводом по рынкам и магазинам. Они за коврами – и ты туда же. Лифчики тоже будешь им выбирать!

Такая картина не впечатляла. Но как отказаться?

– Скажи Серенькому, что жениться пока не намерен, – он тут же потеряет к тебе интерес! Остальное объясню завтра. Жду в восемь в «Праге».

Автобиографию переписывал одиннадцать раз. Когда с анкетами было покончено, под ногами валялась груда смятых листов. Без четверти восемь уже входил в ресторан. Полковник сидел в холле, разговаривал с бородатым мужчиной. Перед входом в бар его снова остановил какой-то знакомый; они закурили.

– Да ты иди, Полетаев, иди: занимай столик! – сказал он, видя мое нетерпение.

Зал был полон. Пришлось объясняться с метрдотелем.

Убедительнее оказалось: «Я – с Артановым!». Появившийся официант тут же снял табличку со стола:

– Что прикажете? С чего начнете?..

Вошел Виссарион, ведя под руку молодого человека, невзрачного, но в прекрасной тройке, которого представил. «Семен», назвав то ли в шутку, то ли всерьез «русским Карденном». Эти знаки внимания были, видно, авансом за брюки, шитые в долг, за костюмы, которые тот давал ему напрокат, зная, что там, где появляется временами полковник, ни покрой, ни оттенки подобранной всякий раз редкой ткани не останутся незамеченными. Все имена модельеров, все виды европейских мод были ему известны. Благодаря связям с театрами знал многих актрис. Подлаживаясь под их вкусы, мечтал сколотить состояние, намереваясь пустить в дело, как только пробьет час, взойдет его звезда, когда всякий будет жаждать увидеть на плечах любовницы его роскошное декольте, его стыдливые пеньюары, скрывающие извращенность столь же редкостную, как кружева, которым он придавал столько значения. Первые успехи заставляли говорить о нем в некоторых домах, в том числе – у Павловских. Он тянулся к ним, как к чему-то необыкновенному. Они же и бесили его, ибо он пока не был вхож ни к ним, ни в один из салонов при модных журналах, и, чувствуя потребность излить недовольство, душу, язвительно рассказывал о неблагоприятных проделках знати, знакомил с археологией сплетен.

Имена склонялись во всех падежах: кто с кем спит, первые

жены, другие.

Виссарион питал к нему уважение; шепнул:

– Дима, приглядишься! Он-то уж своего не упустит: очень информированный малый!

Болтливость портняжки поначалу раздражала, не давая возможности заговорить о главном. Но под влиянием коньяка многое изменилось. Когда сменили графин, разговор стал совсем вольным. Семен не скупился на шутки, а Виссарион оказался на редкость щедр: снял китель, посадил знакомых девиц, потребовал еще два прибора, шампанское, прочитал из меню шесть названий – все причудливые, а чтобы поддержать веселье, забавно рассказывал об итальянских подделках «Кардена». Девицы смеялись; уже назначалось время первой примерки. Семен обещал Рыженькой скидку взамен на некоторые услуги.

Услышав: «манекенщица», соседка зарделась.

Очаровашка.

Очаровашка с озороватыми глазками.

– Тебя как зовут-то, красавица? – поинтересовался Семен.

– Дуняша!

В это время дверь распахнулись, и вошла молодая женщина в белом платье, со столь шикарной фигурой, что бантики тончайших, как нити, бретелей словно провоцировали: только потяни – и увидишь, как соблазнительны без одежды ее бедра. Провожали улыбками восхищения.

Не только я.

За ней следовал неопределенного возраста человек, карлик – как бы паж, в пиджачке коверного на манеже.

Фетровая шляпа была заломлена, как у ковбоя.

– Это – Марчелло, – пояснил Семен.

– Странное имя... А ее как зовут?

– Марго... Шикарная женщина! – На губах Виссариона заплутала улыбка. – Шарма побольше, чем на сцене у Шмыги!

Семен, говоря о ней, наоборот, прибежал к неприличным намекам.

Ее подпускали к разным влиятельным мужичкам. Подпускали, как бабочку: роскошную, нездешнюю по уму, и едва ли не светскую по манерам. Одних потом могло ожидать карьерное продвижение, место во власти; других стирали, как ластиком, едва она их оставляла. Теперь, когда по слухам она была обеспечена, искала то ли жениха, то ли новую жертву, то ли продолжения приключений, доверительно подкрашенные в тональность вечера губы, казались более чем доступными.

Если бы не глаза: холодноватые. Взгляд как бы взвешивал тебя целиком, от него становилось не по себе.

Что-то спросила у подлетевшего к ней Даниила, того самого, что еще недавно услужливо приносил нам закуски. С метрдотелем обменялась рукопожатием. Мелькнул перстень с рубином, перевитым двуглавой змеей.

Модельер не отводил взгляда, пока она не села за столик.

Зашел разговор о тех, кто с ней рядом, кому принадлежит квартира на Старом Арбате, в которой живет.

– Фохту, – ответил Артанов. – А те, кто за столиком – два богатых чечена: оба готовы бросить к ее ногам состояние!

Упоминались и другие любовники. Никто не мог сказать точно, сколько ей лет и был ли ребенок, о котором ходили слухи; вроде бы – да, но куда и к кому она отправила его – неизвестно.

– Может, у родителей Карлика?

– У Марчелло?..

Желая дать понять, что знает больше, Семен утверждал, что его милицейский приятель как-то говорил с человеком, который держал в руках ее паспорт: совершенно чистый. Ей двадцать восемь. Он даже назвал точную дату, но вовсе не исключал, что она могла дать взятку, чтобы в паспорт вписали только то, что хочет она.

– Воздействие ее сексуальности гипнотическое! – добавил портняжка. – Тайна, не всеми осознаваемая...

– Ее тайна, Дмитрий Сергеич, в другом, – шепнул мне Артанов. – Она не дает взяток – она их берет. Если захочет, деньги понесут ей мешками. Обрати внимание, как эти два смуглых абрека глядят на нее – хищники, готовые перегрызть глотку друг другу. Она – медиум.

– Ведьма?

– Если хочешь, называй так. Но с ее помощью Фохт стал всемогущим!

Она в это время очищала яблоко, покойно, как бы совсем отстраненно; шевелились губы. Кавалеры ей отвечали; действительно – почти поединок. Слов было не разобрать, и хотя она улыбалась, как бы поощряя: «Ах, да, правда, правда!», все же казалось, что глаза ее в этот миг слегка иронично прищурены, как бы говоря: о боже, как скучно – как вы, мужики, все одинаковы!

Каприз любопытства сильнее приличий. Так и хотелось спросить: кому из абреков отдаст предпочтение? Тому, что со шрамом? Или – другому, похожему на арабского шейха, которого назвала Рамазаном? Тем более тот вдруг произнес:
– Не желаешь ли заехать ко мне?
– Почему бы нет.

Однако Артанов в это время что-то шепнул в ушко Ду-няше. Та поднялась, Рыжая – тоже. Семен вызвал такси. И вечер, обещавший окончиться скучными поцелуями, после «Метелицы» и песен цыган набрал силу в танцах с легкими на подъем модельершами, которые поджидали в подвальчике, в костюмерной «Кардена». Переодевались на наших глазах.

Феерия!

Шутки, носившиеся над головами, напомнили полковой бал, Натали, ее смущенный шепот, влажные губы: «Дима, не сегодня... не надо!».

В этот момент рука уже раздвигала колени Рыжей. Она не противилась. Заметив поощряющий взгляд полковника,

оставалось увести ее в соседнюю комнату. Но следом вошла Дуняша:

– Не помешаю?

У двери зашептались.

– О чем воркуете, щебетуньи?

– Да вот думаем, что с тобой делать?

– А как же Виссарион?

– Дурашка, он тебя проверяет! Завтра мы ему скромно доложим, насколько ты оказался в постели хорош.

– Он что – связан с чекистами?

– Мы все с кем-то связаны, – ответила Рыжая. – Он тебя рекомендовал в генштаб: значит, за тебя отвечает. Поверь, скоро он будет знать о тебе все!

А так как была под хмельком, то в искренности сомневаться не приходилось, как и помышлять о побеге. И столько потом было выпито, столько полировали вином и шампанским, что я не помнил, как попал в общежитие. Наутро от головной боли плохо соображал – горевать или радоваться тому, что скоро стану офицером Генштаба?

– Прими еще и перестань валять дурака, – наливая рюмку, рассмеялся Стас Радецкий. – Буянь, как гусар. Буйствуй! Пруха пошла: скоро всех маршалов лицезреть будешь! Руки небожителям жать! Москва – город чудес! У тебя появился шанс. Три года назад об этом можно было только мечтать!

Глава вторая

Центральный командный пункт Генштаба.

Толстых

Стас прав: Москва – город чудес. Вот – проспект. Мощен не асфальтом, а плиткой. Это вам не Борзя, где осталась моя меланхолия.

Это – Арбат.

А вот и Генштаб.

Можно произнести: «русский генштаб» – царственное кладбище тайн. Для преступающего впервые порог – место деморализующее. До дрожи в коленках.

Пятачок для шабаша ведьм.

Уверен, что когда тут росли сосны с дубами, так все и было.

А вот и бронированная дверь.

Пристальнее, чем кто-либо в зале, посмотрел на меня дежурный генерал, сидевший на возвышении, точно царь на троне, – жрец, посвященный в самые страшные тайны, одного слова которого было достаточно, чтобы взлетели из шахт все ракеты, унося на континент супостата свои мегатонны.

– Это кто? – спросил он, приподнимая очки.

– Юное пополнение, Юрий Тигранович, – ответил Толстых. – Так сказать, на экскурсию: показать зал боевого управления.

– В другой раз, Боря. У меня через семь секунд доклад министру по сбитому под Сахалином «корейцу» – с ночи стоим на ушах!

Бронированная дверь бесшумно выдавила нас вместе с воздухом в коридор, оставив в памяти бледные офицерские лики на фоне пультов и табло во всю стену с четырьмя подводными крейсерами в районах боевого дежурства.

– Что за «кореец»? – осторожно поинтересовался я.

– Так... «Боинг» и двести пятьдесят пассажиров в салоне.

– И куда он упал?

– В море.

Немногословность – особая черта Бори. Наружность крестьянская. Плечи молотобойца. Не ладонь, а лапа. Предупредили заранее: здороваясь, никогда не подавай Боре ладонь. Однажды попробовал – тут же хрустнули все костяшки. С тех пор протягиваю только указательный палец. Не терпит болтовни, знает инструкции, как я первые пять страниц из «Онегина» – цитирует ямбом. На аппаратуре работает, как пианист. Тем не менее накануне приезда на экзамен генерала Назарова волнуется, потеет, бубнит – так семинарист читает молитву. На лице усердие, в глазах тоска: двенадцать лет ходит уже подполковником; заполучить третью звезду – мечта. Мечта, уверяют, неосуществимая. Даже если

Боря заговорит на языке исчезнувшего африканского племени. Причина банальна. О ней знает на Центральном командном пункте любой прапор, рассказывая в курилке, как Боря, забывшись, поздоровался с генералом. От боли у того перекошило армянское личико, подломились коленки. Всем стало понятно: пока генерал не покинет сей мир, не видать Боре полковничьих эполет, как своих ушей. С тех пор начальства боится панически. И если бы оно дало месяц сроку, чтобы обучить не меня, а мартышку играть на пианино, он занудливостью ухайдокал бы и ее.

Но – научил.

– А где она стояла? – распираемый любопытством, нежно поинтересовался я, возвращая Борю мысленно в зал Центрального командного пункта.

– Кто?

– Ну аппаратура... «Вьюга», на которой я буду дежурить.

– В самом дальнем углу – под табло «Крокуса».

– А «Крокус» – это что?

Боря, поморщился:

– Система предупреждения о ракетном нападении.

– А-а...

– Кадет, тормози... Ты будешь дежурить не здесь, а в «яме»!

– Это где?

– Там, где и я – не на Арбате, а под землей, на глубине семьдесят метров. Я, Полетаев, потому здесь с тобой и торчу:

жду, когда тебе оформят спецпропуск.

В учебном классе с причудливыми аппаратами, расставленными вдоль стены, вспомнив, что моя «система» дублирующая, выбрал среди них самый серенький, самый скромный – там, где кнопочек было поменьше:

– А это – не «Вьюга»?..

Боря посмотрел на меня глазами ясельной няньки.

– Послушай, пехота, ты лучше подобных вопросов в генштабе не задавай: фильтруй. Глядишь, до поры сойдешь за умного... А то, во что ты ткнул своим прокуренным пальцем, это – широкоформатный ксерокс! – И бросил на стол фолиант толщиной одного из романов яснополянского гения. «Автоматизированная система “Вьюга”. Техническое описание» было написано на обложке:

– Читай – утром проверю!

Пока я читал, в соседних кабинетах хлопали двери. Там офицеры Главного оперативного управления, елозя животами по чертежным столам, спешно готовили для пресс-конференции карту, на которой значилось: «Южнокорейский “Боинг”. Рейс KAL 007, прибытие в Сеул – 6.05». В аэропорту собралась толпа. В телевизоре, ейджики на лацканах пиджаков так и мелькали: там и засветились рожи американских разведчиков. Значит, что-то нечисто, не так! Ни в 6.06, ни в девять часов о пропавшем самолете не было никакой информации. Наконец, в десять утра министр иностранных дел Южной Кореи со ссылкой, как обычно, на Цен-

тральное разведывательное управление сообщил: «Наш “Боинг” приземлился на Сахалине. Экипаж с пассажирами находятся в безопасности!». Однако советский МИД неожиданно заявил, что корейский лайнер на Сахалине не приземлялся и советской стороне о его местонахождении ничего неизвестно. Из подслушанной болтовни генштабовских офицеров можно было понять, что где-то под Сахалином американцы совершили масштабную разведывательную вылазку, закончившуюся настоящим воздушным боем, в котором русские умудрились завалить не только пассажирский лайнер, но и несколько других самолетов. Начавшаяся «спасательная кампания», как ее окрестили, больше походила на Цусимское сражение. Количество кораблей, расположившихся на синеватой акватории Японского моря, было не сосчитать: вместе с японцами – целая флотилия США, не забывая советской. Самая грандиозная операция из когда-либо предпринятых с использованием субмарин и аппаратов, исследовавших, наверное, Марианскую впадину. «Всего лишь гуманитарная акция по спасению жертв катастрофы», – уверяли наутро газеты.

Если б вдруг не скрипнула дверь и я не услышал голос седого полковника:

– Тридцать лет в Генштабе, но не помню такого! Даже в карибский кризис было пожиже... Сколько ты, Игорек, нарисовал самолетиков?

– Америкосов?

– Ну-да!

– Четыре, – ответил майор, чертежник. – На подходе к Курилам, как докладывают пэвэошники, их догнал РС-135, разведчик, но в зону он не входил.

– Нарисуй-ка, браток, еще один «Боинг», «двухсотый». Скорее всего – «двойник» южнокорейского, и тоже разведчик. Они всегда парой летают. Там аппаратура, там весь компромат – его-то и ищут!

– А-а?..

– Рисуй, рисуй! Кто сможет проверить – он все равно на дне, а маршалу легче будет отбредиваться. Особенно от этой корреспондентки – из «Times».

– А бабонька, согласитесь, Сан Саныч, хоть стерва, но в самом соку. Если б говорил по-английски, я б ее трахнул!

– Для этого дела, братец, английский не нужен.

Пресс-конференция Огаркова мало что прояснила. Маршал уныло водил по карте длиннющей указкой, похожей на удочку – круги концентрические. Посыпались вопросы. Рука задрожала. Пошли овальчики, похожие на яички синички. Конечно же, произнес про спланированную американцами провокацию, про «странное барражирование корейского лайнера», – все, что Сан Саныч написал для него крупными буквами на листочках. А тяжелые, как приговор, слова, что самолет был действительно сбит, лишь подлили масла в огонь, дав повод заголосить об очередном варварстве русских, о хладнокровном убийстве невинных, которое никогда

не будет забыто!

– Забудете, сукины дети! – собирая в папку бумаги, многозначительно заметил Сан Саныч. – Забудете тут же, как только узнаете, что «черные ящики» с самолетов уже в Генштабе!

Глава третья

Штычно. «Яма»

Метр за метром я все высчитывал, где же дно этой «ямы», а эскалатор все полз и полз. Потом, скрипнув, замер; дальше спускались пешком.

– Извиняйте, Борис Анатольич! – произнес встречавший нас на площадке улыбочивый прапор. – Профилактику надо делать: гаечки подкрутить, на контакты спиртом дыхнуть. Иначе к подъему Штычно на поверхность никак не успеть!

– Дед у себя?

– В конуре. Все утро слонялся, как леший: там побелить, тут подкрасить. Потом провел тренировку со сменой, на Тюрева поворчал, побряхтел, откушал солянки и завалился в кабинете министра. Тут, говорит, воздух почище... Теперь опять придется простынки менять!

Свод галереи высок; шаги с голосами звучали, как в церкви. Трехтонная дверь отвалилась от шлюза, как только Боря вдавил черную кнопку:

– Это Толстых!

Две ступеньки – и вот этот зал, облитый неоновым светом: тихо причитал телевизор, ему подпевало табло, пестрящее цифрами. За центральным столом – плешивый полковник в очках, рядом – другой, с авиационными эмблемами на по-

гонах; под локтем справка: «Афганистан: боевые потери...». Перевернул, увидев меня.

– Это свой, – сказал Боря.

– Будет свой, когда сдаст на допуск к дежурству!

– Тюрев, не наезжай, – произнес мягко Плешивый. – Него-степриимно. Веди-ка ты его, Боренька, к Деду. Кажется, он проснулся. Представь по всей форме. Да пусть не орет: у него настроение на два с минусом... Наверху дождь?

– Моросит.

– Вот-вот, я давно говорил, что у старика настроение по погоде!

Полковник Штырно сидел в кресле. В руках газета: фотография Огаркова с указкой на фоне карты; над правым ухом маршала точка с кружочком – место, где рухнул в море «кореец».

Нотки уважительности не укрылись, едва заговорил:

– Наслышан, не стану скрывать: Артанов немало успел рассказать. Пехотинцев у меня в подземелье еще не было. Не люблю. Но он просил, уверяя, что вы парень сметливый. Толстых все покажет. Без сопровождения за дверь ни ногой: заплутаете. Если попытается втиснуть в вашу головку электронные схемы – оставьте: они вам ни к чему. Да и не по зубам. Научитесь работать на «балалайке», вызубрите книжку номер один. Не пугайтесь: там всего два десятка страниц. Это – библия оператора. Морячок растолкует, как предаются сигналы на подводные лодки, Тюрев – авиации: я имею

в виду стратегов. Не сложно даже для пехотинца. Но, думаю, именно потому, что вы пехотинец, долго здесь не задержитесь: уж я Виссариона знаю!.. Кстати, вы член партии?

– Конечно, товарищ полковник.

– Тогда советую поскорее встать на учет. Да, и прошу: называйте меня впредь Иван Иванович. Попроще, без солдафонства: в Генштабе так принято.

Ему было явно за шестьдесят, но, видно, оттого, что двадцать лет провел под землей, сохранился, как фараон. Желтизной отсвечивала упругая кожа, а признаки старости проступали лишь в поблекших глазах, которые мало что могло удивить, они видели все. Два его сына тянули лямку в том же полку, с которого он начинал; жена давно умерла. И когда за оградкой присаживался на скамейку, память услужливо возвращала ощущение нежности, от которой приподнимались уголки губ. Она любила фиалки. Покупал накануне. Положит на мрамор, снимает фуражку. Посидит, что-то пошепчет. Фуражку на голову, и снова на службу. Предлагали квартиру в Москве. Он отказывался, предпочитая жить на Власихе, «в лесу» – так говорил. Среди своих, у ракетчиков. Да и поближе к жене. Мишагин, начальник Центрального командного пункта, никогда не вызывал к себе для докладов, сам звонил. Учтиво: «Как дела, как здоровье, Иван Иванович?».

– Как сыновья? – спрашивал Варенников. – Может, помочь перевести их поближе?

– Пусть послужат в тайге, Валентин Иванович. Там воздух почище.

– Ну, как знаешь.

Сопровождавшая свита почтительно отдвигалась подальше, давая возможность без свидетелей продолжить беседу. Штычно в этой компании был самым младшим по званию, но то, как уважителен, как внимателен был генерал армии, говорило – они знакомы настолько давно, что субординация не имеет в их отношения абсолютно никакого значения.

Друзья – да и только.

Может, вместе гоняли чай или даже пили коньяк.

Ах, если б и мне повезло!

Не вечно же ютиться в общажном клоповнике с обоями в пошлый цветочек. Ходить в одном и том же костюме, все в тех же рубашках. Пора, как Виссарион, заказывать у «Кардена», покупать шелковые платки, французские галстуки. Уже засыпая, не переставал ощущать прилив сил. Дерзость мыслей была сродни отваге – отваге юноши, впервые глотнувшего водки.

Пока не услышал, как кто-то посапывает на соседней подушке.

То была буфетчица Ляка.

Я о ней забыл.

Глава четвертая

Назаров

От друзей он, собственно, никогда не скрывал свое настоящее имя. Но в генштабе оно многим резало уши. Он его сменил вместе с фамилией. Это давало повод для шуток, усиливающихся всякий раз, когда на вокзале приходилось встречать кого-то из его многочисленных родственников, ползущих в столицу с отрогов Нагорного Карабаха. Неизменно – с баулами, узелками. И все дорогу запах копченой домашней колбаски, просачивающийся из-под накинутого на корзинку платочка, щекотал ноздри не только водителя, армянчика с носиком, заточенного мамой с папой, как клюв воробья.

На груди генерала поблескивала звезда Героя, заставляя вспомнить, что когда-то был храбр. А если на торжественном собрании появлялся в парадном мундире, глазам представлялось для обозрения еще девять боевых орденов: все за то же – за подбитые его батареей танки и усердную службу, когда, командуя уже ракетной дивизией, одновременным стартом обезумевшие взревевших ракет напугал даже отважного президента де Голля.

Легендарный француз едва не наложил в штаны:

– «Сатана»?

– Хуже! – ответили ему.

Спустя неделю де Голль неожиданно заявил, что выходит из НАТО. Не совсем – наполовинку. Чуть-чуть. Заручившись при этом тайным обещанием русских, что эти чудовища никогда не упадут на его любимую Францию, на его виноградники. Америкосы, как всегда, заартачились. Тогда Шарль собрал в кучку со всей Франции доллары и предъявил американцам к оплате, требуя поделиться остатками золотого запаса. Баш на баш, так сказать. Я вам «ваши зелененькие бумажки», а вы мне в обмен золотые слитки. Те, надрывая связки от возмущения, к утру протрезвели: если золотые запасы отдать, в хранилищах останутся только мыши с охранниками. Подсчитали убытки, последствия. Поблеяли с месяц – и пошли на попятную.

Второй орден Ленина Назарову дали, как говорили, за это. Прочили блестящую карьеру именно в ракетных войсках. У его юной жены, в прошлом дивизионной связистки, планы были иные. Надежды ее он оправдал: член парткома, председатель жилищной комиссии, а еще – аттестационной, всех проверочных – он был в курсе всех слухов, предстоящих перемещений. Недолго ходил в порученцах одного из замов маршала Гречко, а так как в генштабовских коридорах тот был человеком влиятельным, то вскоре стал известен и его порученец, в котором подкупала услужливость. Сопровождал супругу патрона на грязи, в театры, не забывал подвести вовремя мясо, из ателье забрать новую шубку. Дамочка

сварливая, властная – он и ее сумел обаять. Встречая на даче, бежал едва ли не строевым шагом – так, что подпрыгивала фуражка.

Принималось как поклонение.

Как заместитель начальника Центрального командного пункта он был для генерала Мишагина палочкой-выручалочкой, избавляя шефа от любых житейских забот. Его фамилия значилась в первой десятке на садовый участок в кооперативе «Арбат», где устраивалось генштабовское руководство, породив загулявшую шутку Тюрева:

– Нашему Денщику и Арарат не гора: если турки позволят, покорит и эту вершину!

Прилипло мгновенно.

На экзамен для допуска меня на боевое дежурство он приехал с двумя полковниками – его церберы. Сущяя инквизиция – рожам можно детей пугать.

– Приступайте! – сказал генерал. – А мы пока с Иван Ивановичем селянки откушаем.

Накануне Штыхно провел со мной два часа в задушевных беседах. Он давал команды. Я нажимал кнопки: пуск по району, пуск одной ракеты, пуск пятисот; потом – четырех. И снова – всем: всем ракетным войскам, всем лодкам, всей стратегической авиации. А когда я, опередив норматив, открыл сейф с шифр-замком, где хранятся «боевые ключи», Дед, впервые улыбнувшись, сказал:

– Что касается сейфа, Дима – шустрее тебя пока никто не

вскрывал. Езжай в общагу, хлопни рюмашку и ложись спать. Уверен в твердой «хорошей» оценке.

Когда Назаров вернулся с обеда, то же произнесли «инквизиторы».

– Уверены? – переспросил генерал.

– Как в себе, Самвел... простите... Александр Константинович. Можете подписать приказ!

– Н-да, похвально. – Остро остриженный ноготок мизинца ковырнул между зубами: – Берите пример, товарищ Толстых!

Боренька стоял навытяжку – в позе унтера.

В зале было еще одиннадцать человек. Внимали. Церберы улыбались, явно вспоминая дружеское рукопожатие Бори, после чего и получили команду Назарова: «Из “ямы” этого костолома не выпускать!».

А спустя ровно месяц, когда, положив локотки на панель своей доброй «Вьюги», я преспокойно конспектировал очередную речь генсека Андропова, вдруг раздался звонок, и старший оперативный дежурный, наш добрейший «Плешивый», зажав микрофон, прокричал: «Полетаев – тебя! – и уже совсем в мое ухо, тихо: – Осторожно: Назаров!»

– Тебе выделена квартира, майор, – произнес генерал. – Сиреневый бульвар, тридцать квадратов, кухня – десять. Будешь братъ?

От неожиданности я даже опешил:

– Разрешите подумать?

– Думай!

Барабанная перепонка щелкнула вместе с брошенной трубкой.

Такой же телефон с гербом на диске был в комнате отдыха.

Я рванул туда.

– Чудак! – рассмеялся Артанов. – Подобострастие и пехотное солдафонство очень льстит таким, как Назаров. Мгновенный ответ: «Так точно!» был бы лучшим из всего, что он хотел бы услышать. А еще – слова угодливой благодарности.

– Может, перезвонить, Виссарион Викторыч... а? Согласиться?..

– Дурень!

Артанов был уверен: квартирка тут же «ушла». Рассказал историю, как год назад или два он по приказу Назарова переводил на Курилы такого же, как я, майора, только танкиста. Ему позвонил Денщик: «Квартира в Строгино – будешь брать?». Танкиста по-человечески можно понять, потому так и ответил: «Разрешите посоветоваться с женой?». Посоветовался, доложил, что согласен. Но вместо новенькой двушки получил хрущевский эксклюзив с кухонькой в три шажка и балконом, на котором с трудом помещались четыре вороны – «за выездом», как у нас говорят. Причем предложение было сделано так, что он уже не мог отказаться. Фамилия, кстати, у него была героическая – Кутузов. Так вот этот герой от обиды, то ли от горя явно тронулся головой. Не

на все сто, конечно, но сильно. Едва ли не каждый вечер его видели перед новостройкой: он смотрел на светящиеся окна первого этажа – той квартирке, которая могла бы быть его, но не стала. Теперь он сидит в капонире, в танке, и смотрит на море, где на дне покоится несчастный «кореец». За морем японский остров Хоккайдо – экзотика, почти за граница. Квартирку, кстати, отдали полковнику – однополчанину Денщика, его другу.

– Видишь, как все просто, – продолжил Артанов. – Впредь, завидев Назарова, перейди на другую сторону или нырни в кабинет, а если уж не успел схорониться, кричи издалека: «Здравия желаю, товарищ генерал!», и – руку к черепу, и взгляд – чтоб глаза от преданности засветились. Вспомни, чему тебя учили в кремлевском училище!

Вместо прощания он только спросил:

– Сегодня к Дуняше?

– К Рыжей. С ней веселей!

Арбат был полон машин. От дождя люди спасались под навесами магазинов. Ветер срывал листья, свистел в раскачиваемых проводах. Каждый раз, завидев перебегающего через дорогу прохожего, таксист тормозил. За перекрестком, где за куцыми тополиными кронами возвышался причудливый особняк с мезонином, яркий блеск молнии вырвал из сумерек зыбкое существо. Подобное тени, оно бежало по краю узкого тротуара. Под складками офицерской накидки – женственная мягкость изгибов. Возможно, была хороша. Но

капюшон скрывал лицо, а слишком длинные полы мешали; она подбирала их. Так что, наблюдая за ней, видел то задник туфли, то ажурную сетку чулок. Когда вдруг споткнулась, готов бы выпрыгнуть из такси. И она бы упала, если бы не ручка парадной, за которую ухватились ее цепкие пальцы.

Марго?..

Сверкнула молния – видение скрылось.

Только она ли?

После некоторого колебания вошел.

Старушка-консьержка отняла глаза от вязанья. Пришлось притвориться, что решил переждать непогоду.

– Можно, можно. Маргоша, кажись, вон до нитки промокла!

– Та красавица, что вбежала передо мной?

– Кра-са-вица!.. Уж какая красавица! – Губы старушки растянулись в улыбке. – Славная девочка! Рядом с ней мужички молодеют! Рядом с такой не останешься незамеченным!

Что правда, то правда: у меня такой еще не было. И хотя она была не совсем в моем вкусе, но если б удалось соблазнить, позавидовал бы не только Радецкий.

А что: чем черт не шутит?

Смелость подобных фантазий легко забывается, если спустя полчаса за другими дверями можно молоть всякий вздор, ласкать женские ушки словами, которые сами, казалось, слетали с веселевшего от коньяка языка. Что в этот миг могло

быть прелестнее рыжеватых волос и таких доверчивых губ? Не мог даже сердиться, когда, явно дурачась, называла «мой кучерявенький» или, вопреки слабым протестам, садилась мне на колени. Порой возвращалась домой в плаще с мужского плеча или джинсах, уже ношенных, которые видел на ней впервые. Мог бы поклясться, что они не ее – так были тесны в бедрах. Но вместе с тем так хороши были эти бедра, зазывные, точно у девицы с панели.

Почувствовав, что она наконец-то смежила веки, можно натягивать брюки.

Только не забудь написать на салфетке: «Ты – прелесть, бестия ты моя!».

Уверен, если б увидел Стас Радецкий, назвал бы ее Магдалиной. При этом добавил: «Если не жалко, позволь проверить: кающаяся или нет?».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.